Ирина Андрианова

Собака как символ ура-демократичности

12+

Ирина Андрианова

Собака как символ ура-демократичности

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43419824
SelfPub; 2019

Аннотация

В этой статье мне хотелось бы проанализировать любопытный культурный тренд: правам домашних животных (в особенности собак) в общественном и медиа-дискурсе уделяется гораздо больше внимания, нежели правам людей, пострадавших от тех же собак. В предельных случаях оказывается, что четвероногие имеют больше прав, чем люди. Поскольку эта довольно-таки абсурдная ситуация не оспаривается большинством, то можно предположить, что речь идет о частном проявлении глубоко укоренившегося общественного мифа, связанного с 1)безусловной защитой прав любых меньшинств (даже в ущерб собственным), 2)безусловной ассоциации любых репрессивных мер с т.н. "фашизмом".

В этой статье мне хотелось бы проанализировать любопытный культурный тренд: правам домашних животных (в особенности собак) в общественном и медиа-дискурсе уделяется гораздо больше внимания, нежели правам людей, пострадавших от тех же собак. В предельных случаях оказывается, что четвероногие имеют больше прав, чем люди. Во всяком случае, они могут угрожать безопасности двуногих практически безнаказанно. Поскольку эта довольно-таки абсурдная ситуация не оспаривается большинством, то можно предположить, что речь идет о частном проявлении глубоко укоренившегося общественного мифа, связанного с 1)безусловной защитой прав любых меньшинств (даже в ущерб собственным), 2)безусловной ассоциации любых репрессивных мер с т.н. "фашизмом".

Собака как культурный тренд

Начинать полагается с предельно конкретного инфоповода, поэтому сообщаю: В городе Выборге Ленинградской области суд взыскал целый десять тысяч рублей в пользу 8-летнего ребенка, покусанного домашней охотничьей собакой.

Так как ни уголовной, ни серьезной административной ответственности за нападение домашней собаки на человека в нашей стране не предусмотрено (максимальные штрафы в Северо-Западном регионе – до 5 тысяч в СПб и до 1 тысячи в Ленинградской области), то единственный способ наказать безответственного собачника – это гражданский иск в суд. (Если, конечно, вам удалось выяснить, где живет владелец

напавшей на вас собаки – что не так просто, как кажется).

Родители требовали с хозяина охотничьей собаки 100 тысяч. Но самый гуманный суд в мире решил, что достаточно и 10. На данный момент это самое «серьезное» наказание за безответственность собаковода за последние пять-шесть лет, имевшее место в Петербурге и области. Большинство нападений вообще не фиксируются просто потому, что полиция не успевает\не приезжает по вызову на место происшествия. Работа по профилактике нарушений не ведется. В Петербурге есть возможность «озолотить» бюджет штрафами за выгул крупных собак без поводка. Ибо без поводка бегает каждый второй «четвероногий друг». Но профильное управление Комитета по правопорядку и законности, которому в сентябре прошлого года передали борьбу с «собачьими нарушениями», за два месяца с ноября по январь оштрафовало только 3 (!) нарушителей на весь город (по статистике, в городе обитает 250-300 тысяч собак). А до этого полтора года ответственных не было вообще, потому что у полиции право составлять протоколы в отношении собаководов отобрали еще в середине 2013 года. Несколько особо вопиющих случаев, связанных с серьезными телесными повреждениями и даже гибелью людей (В Ленинградской и Московской областях), по которым, вопреки обыкновению, были все-таки возбуждены безобидные уголовные дела (например, «причинение смерти по неосторожности», как в Подмосковье), так и не закончились реальными сроками. При-

чинять смерти по неосторожности с помощью четвероногого друга можно почти безнаказанно.

Казалось бы, в чем проблема? Вносим в Уголовный Кодекс соответствующую поправку (тем более что законодательстве европейских стран и США уголовная ответственность за нападение домашней собаки действует) и начинаем чувствовать себя более-менее спокойно. Нет, конечно, мы не сильно обольщаемся, что гипотетический страх 6-ти месячного заключения за нападение собаки на человека (как в США, например), чрезмерно напугает отечественного собаковода. Но все-таки хоть какое-то наказание и полное его отсутствие – это разные вещи, согласитесь. С кулаками на человека у нас лезут гораздо реже (ибо есть статья УК «хулиганство»), нежели молча наблюдают, как то же самое делает их собака. Желающие усмотреть в моем предложении «ужесточение режима» могут утешиться тем, что применить эту норму УК будет также сложно, как и банально оштрафовать собаковода. Значит, работать она будет только в тех самых вопиющих случаях. Чего, собственно, и следует добиться.

Четвероногий всегда прав

Так чего же проще? И вот тут я перехожу к главной теме моего повествования. Любые попытки хотя бы заикнуться об усилении ответственности собаководов, а уж тем паче – о ее усилении, встречаются в штыки на всех уровнях – от власти до самой что ни на есть прогрессивной общественности. В интернете за подобные предложения меня уже не раз назы-

вали живодером и даже другом догхантеров (хотя я вживую ни одного из них даже не видела), обвиняли в пропаганде ненависти и т.д. Возмущение зоозащитников вызывала даже сама попытка указать, что собаководы и собаки в чем-то иногда бывают неправы. Иными словами, собачьи нарушения стали табуированной темой.

Совсем иной прием и в СМИ, и во власти, и в обществе получает тема «страдающих собак». Парламентарии Петербурга в конце прошлого года предложили организовать горячую линию для собаководов (чтобы сообщать о нарушениях против их питомцев) и внесли предложение ужесточить ответственность за жестокое обращение с собаками (про аналогичное в защиту людей – не слова). Недавно Министерство сельского хозяйства выступило категорически против умерщвления безнадзорных собак. Вероятнее всего, эта идея будет закреплена в законе «Об ответственном обращении с животными», который сейчас готовится ко второму чтению в Госдуме и отзыв на который представил Минсельхоз. Предполагается животных ловить, стерилизовать и выпускать обратно. Интересно, что очередной раунд рассмотрения закона (его не могут принять с 2011 года) состоялся на волне негодования в связи с гибелью 9-ти летнего мальчика из Читы Кирилла Клепикова. В марте его насмерть растерзала стая бездомных собак. Возмущенная общественность ожидала, как минимум, грозных слов в адрес собак (тем более что один из самых официозных (!) парламента-

риев Иосиф Кобзон после этого случая призвал бездомных собак уничтожать). Но вместо этого получила плевок в лицо. На уровне правительства решено возвращать опасных животных туда, где они уже кого-то укусили или могут укусить.

На этом месте я попадаю в логический ступор. Почему властьимущие и властьнеимущие так старательно, наперекор всему здравому смыслу, защищают животных, которые теоретически могут повредить и им самим? Ну хорошо, предположим, члены правительства пешком не ходят, им все равно. Но если им все равно, то почему они выбрали именно этот тренд – собакозащиты?

Тем более поразительно обстоит дело с теми, кто в дорогих авто не ездит и в огороженных поместьях не обитает. С теми, кто сам теоретически может стать жертвой собак – хоть бездомных, хоть домашних. Так вот, именно эти люди в «собачьем вопросе» ведут себя совершенно неадекватно и разуму, и моральным максимам. После убийства Кирилла Клепикова активисты из Читы поместили в интернете петицию с требованием уничтожать безнадзорных собак. Петиция за пару дней собрала несколько тысяч подписей. И тут же появилась другая петиция, тоже от читинцев. Ее авторы требовали остановить «жестокую бойню» животных, последовавшую как реакция на убийство мальчика. И она собрала в пять раз больше подписей! А ведь подписанты «собаколюбивого» обращения так же, как родители Кирилла, ежедневно рискуют отдать своих детей на растерзание очередной бро-

дячей стае. Что же заставляет их предпочесть неприкосновенность четвероногих безопасности своих близких? Явно их никто не принуждал; и вряд ли все они принадлежат к богатому классу.

Еще один пример «выключения логики» и принципа справедливости в вопросе о собаках. Недавно мне довелось поучаствовать в конференции экологических активистов Северо-Запада в Петрозаводске. Без сомнения, там собрались представители наиболее активной и думающей части общества. Среди экологов оказались и зоозащитники (на мой взгляд, объединение этих двух жанров методологически неверно, особенно в части защитников собак и кошек, которые к дикой природе вообще не имеют отношения. Ну да ничего не поделаешь). Зоозащитники внесли в итоговую резолюцию конференции требование ужесточить наказание за жестокое обращение с собаками. Я, опираясь на вышеприведенную фактуру, попросила хотя бы из соображений симметрии потребовать аналогичного усиления ответственности и для собаководов. Зоозащитники в целом согласились, что проблема существует, но … внести это противное их сердцу замечание наотрез отказались. Поскольку их было много, то их голоса победили и зооразделл получился «односторонним». Если даже эта, честнейшая часть людей, способна столь авторитарно подавлять неудобное им мнение, то что говорить об остальных?

Так что же заставляет общество столь нелогично и неспра-

ведливо ставить права четвероногих выше прав людей? Про собаководов, которые отказываются одевать поводки своим питомцам, я не говорю – в их случае это просто банальный эгоизм, усиленный безнаказанностью за счет все того же собаколюбия общественности. Но приведенные примеры демонстрируют, что многие люди готовы вставать на сторону «собак вообще» при любом их конфликте с «людьми вообще», даже если при этом конфликте пострадали невинные люди. То есть немалая часть публики по умолчанию всегда и везде встает на сторону другого биологического вида в ущерб собственному. С точки зрения биологии это поведение абсурдно и саморазрушительно.

Символ ура-демократичности

Дерзну предложить ответ. Полагаю, что противоестественный выбор в пользу другого вида в ущерб своему сродни поддержке любых меньшинств, и имеет аналогичную эволюцию – от здоровой жалости к несчастным и угнетенным до – по прошествии времени – боязни «изменить своим принципам». Помните, как лет пятнадцать тому назад мы сочувствовали бедным бесправным мигрантам, которые регулярно становились жертвами милицейского произвола? Сегодня азиатских и кавказских мигрантов на улицах городской периферии едва ли не больше, чем русских. Полицейские сводки пестрят сообщениями о преступлениях, совершенных гостями из южных республик. Да и бытовое поведение гастарбайтеров изменилось: почувствовав, по мере уве-

личения своего количества, свою силу, они стали в целом вести себя самоуверенно и порой даже дерзко. Но тем из нас, кто активно сочувствовал мигрантам 15 лет назад, сегодня неудобно отказаться от своей позиции. Это означало бы расписаться в глупости и недальновидности. А для кого-то это означает и более глубокие экзистенциальные потери вроде прощания с самоидентификацией гуманиста-демократа. Именно поэтому публика предпочитает не замечать изменившуюся реальность.

Давно ли мы сочувствовали (ну, хотя бы в душе) правам сексуальных меньшинств? Когда они находились в статусе гонимых, это было так естественно… Разве мы могли ожидать, что, укрепившись в том числе и с нашей помощью, они начнут требовать своему сообществу теперь уже исключительных прав (например, права привлечь нас к уголовной ответственности за слово «пидорас»)? Ну а искренние защитники несчастных негров в США – разве могли они предположить, что равноправные чернокожие бездельники через несколько десятилетий будут поджигать их собственные машины с требованиями еще больших социальных подачек? Да что там далеко ходить – знали ли мы, какой отвратительный нарост возникнет на месте оплакиваемой нами в 80-х годах русской православной церкви? Получив, благодаря нашему безграничному сочувствию карт-бланш на любые действия, РПЦ превратилась в огромную рейдерскую структуру с силовой государственной поддержкой. Примеры «неблагодар-

ности» всевозможных угнетаемых групп и структур (необязательно меньшинств) можно приводить до бесконечности. Слабость всегда ошибочно ассоциируется с добротой.

Признать, что переусердствовал в защите слабых, гуманист опасается еще и потому, что эдак можно ненароком и с противоположным лагерем проассоциироваться. Ведь пакет идей об ужесточении законодательства (против собак ли, или мигрантов, или гомосексуалистов etc) – это как бы прерогатива сторонников «сильной руки», всяких силовиков-державников. Поэтому персонаж, идентифицирующий себя в либеральном тренде, лучше помрет, чем признает, что ему давно хочется, чтобы кто-нибудь обуздал обнаглевших кавказцев или ограничил свободу собачек. Вообще в идее по ограничению чьей-либо свободы либерал сразу узрит призрак фашизма и скорее согласиться продолжать мучиться, чем позволить «выпустить коричневую гидру на волю». Хотя примеры перезагрузки системы стереотипов тоже есть. Так, на рубеже 80-х и 90-х безусловной ценностью была свобода предпринимательства, в то том числе – строительного. Сегодня же в конфликте любых застройщиков и общественности абсолютное большинство симпатий любых общественных сил (кроме совсем уж проправительственных) оказывается на стороне жителей. Теперь они – «слабые», которых надо защищать (в существующих правовых условиях это действительно так). Но по всем остальным объектам «жаления» перезагрузки мозга пока не произошло. Собачки

по-прежнему проходят в разряду слабых и угнетенных, нуждающихся в защите своих прав. Соответственно, позиция собаколюба символизирует личность либерально-демократическую. Позиция, наоборот, сторонника прав людей против прав собак сразу ассоциируется с фашизмом. Заметьте – в деле поддержки «слабеньких» не срабатывает даже такая безотказная демократическая ценность, как права человека. Что лишний раз показывает, насколько чаще мы оперируем не вещами, а их символами.

Что касается еще одного заданного выше вопроса, а именно, почему собоколюбивый тренд поддерживают властьимущие и близкие к ним, то ответ, полагаю, таков. Как уже было замечено, сильные мира сего надежно защищены от безнаказанности собак и собаководов корпусами своих авто и заборами своих дач. То есть их выбор свободен от личной заинтересованности, он лежит чисто в сфере «искусства». И вот по этой-то причине депутаты, чиновники, гламурные певички и тому подобная публика выбирает права собак, потому что желает подыграть электоральному большинству. Ибо – это важно – это почти единственная тема, где представители господствующего класса могут выставить себя чуть ли не правозащитниками, радетелями слабых и угнетенных. Поэтому, как не парадоксально, но в собачьем вопросе власть оказывается «демократичней» общества «Мемориал». Правда, именно в этом вопросе демократичность является контрпродуктивной и вредной.

Вопрос «Сколько же людей должны загрызть собаки, чтобы сторонники правозащитного тренда перестали считать их несчастненькими и слабенькими», хотя и является риторическим, все-таки сам по себе предполагает надежду. Судя по примеру с застройщиками, такой количественный порог все-таки есть. А значит, мы рано или поздно его достигнем.